

18+

Мартин Французов

Малахитовое мерцание

Мартин Французов

Малахитовое мерцание

«Издательские решения»

Французов М.

Малахитовое мерцание / М. Французов — «Издательские решения»,

«Малахитовое мерцание» — книга, в которой произведения пронизаны изящными красками с нотками задушевной любовной лирики. Образы живописной и таинственной Москвы раскрываются под аккомпанемент нежных и мечтательных мелодий про красивые чувства, мерцающие огоньками искренней романтики и грёз...

Содержание

Осенний сон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Малахитовое мерцание

Мартин Французов

© Мартин Французов, 2026

ISBN 978-5-0069-9960-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осенний сон

«Жизнь слишком загадочна, чтобы любить её по-настоящему, и слишком жестока, чтобы наслаждаться ею сполна», — автор.

В Москве наступил перламутровый октябрь — на этот раз он сопровождался длинными туманными днями, порой с непродолжительными навязчивыми ливнями и моросящими дождиками. Вечерние же поры были особенно прекрасны — из-за мокрых улиц и холодного тумана, нависшего над городом, в центре Москвы, да и в целом по округе людей было крайне мало; улицы были пустынные, особенно красивы и величавы. В районе между «Парком культуры» и «Кропоткинской» на улицах вечером воскресенья, когда дул леденящий, северный, одинокий ветер, не встречались ни прохожие, ни обычно шныряющие из угла в угол автомобили.

В этот далеко не погожий для многих, но приятный денёк гулял я с товарищем в этом районе в преддверии новой рутинной рабочей недели в моём учебном заведении. Близ Остоженки дул настолько сильный ветер, будто имевший главной своей целью разогнать всех, кто осмелился выйти наружу в такой вечер воскресенья, что хотелось просто-напросто сидеть дома и делать что-то полезное, иначе очень бесполезное. С ним говорили мы совсем на отвлечённые темы, намеренно и начисто позабыв студенческие наши дела, грядущие заботы и надобности. По пути до Патриарших, до которых отчего-то критически захотелось добрести, в одиночку идущие люди периодически пробегали мимо нас, не подавая никаких признаков внимания к нам или интереса. Уже ближе к Патриаршим наконец стали слышны звуки машин, носившихся по полосам Садового кольца, да людей, куривших аккуратно возле роскошных ресторанов и создававших в воздухе за счёт сигаретного дыма целые картины с сюжетами.

На Патриках (как их стало модно называть в последние годы) было, однако, непривычно тихо и смиренно для нынешних реалий, когда это место скорее стало нарицательным словом, не всегда имеющим положительный окрас. Да и затем даже в «Макдоналдсе», культовом «Макдоналдсе» на Тверской — одном из самых публичных мест Москвы, где тысячи человек влюблялись, клялись, ругались, смеялись, плакали, надеялись, — были свободные места, что не самый частый случай для выходного дня в такой крупной агломерации. Вскоре тепло распрощались мы, пообещав встретиться уже в университете.

Атмосфера у нас была спокойная, приветливая, так что приходить можно было не только за тем, чтобы просто учиться. Но я пишу сейчас не об этом... Рабочая неделя шла неинтересно: семинары, лекции, общение, дом — и такой бесконечный серый круг. В пятницу я уже договорился встретиться в центре с другим товарищем, чтобы пройтись, хотя и погода на неделе стояла не самая прекрасная: моросило часто да настойчиво, было ветрено — постоянно — и холодно; были лужи — много, и все мутные от упавшей в них листвы.

Но я стал замечать, что всё чаще на той неделе мой взгляд останавливался на одной из вгляных девушек. Ненароком я стал подмечать, что смотрю в её сторону гораздо чаще, чем в остальные, что мне, к слову, было приятно. В общении, по моей наблюдательности, она была мила и очень комфортна, весьма тактична и последовательна, однако что-то загадочное было в тех чертах, в том образе... Впрочем, и собой она была недурна — неспроста я со стороны пытался всё взглянуть в её грациозные изумрудно-серые глаза, на каштановые длинные волосы.

«И чего я смотрю на неё, отчего же? Пустой вздор!» — подумал я и постарался сфокусироваться на материале и информации, которой нам давали очень много, но изрядная часть которой была не самой полезной.

Она в общении со мной, впрочем, вела себя по-приятельски: темы разговоров никогда не претендовали на тот момент на лучшие философские сцены из фильмов-победителей Канн-

ского фестиваля и не могли быть достойны отдельных глав книги, но, стоит отметить, что беседы, что меж нами были, были приятны мне до глубины души.

Наступили выходные — желанные и длинные, за которые я бы, наверное, забыл многие детали, произошедшие в одну из самых спокойных, плавных и трудных недель за последние времена, если бы не один момент... В ночь на пятницу спалось мне непривычно некомфортно: сон постоянно прерывался, а в нём сюжет был один — мне приснилась она, её красочный образ. Я просыпался, ложился, снова просыпался, а сюжет снова никак не изменялся — она не уходила из грёз ни на секунду.

«Прямо как „Машенька“ у Набокова», — подумал я, в очередной раз проснувшись в шесть утра.

Но в сонных мечтаниях не было никакого замысловатого сюжета, не было драмы или развития пьесы — я просто видел её образ, точно таким, каким он был в реальной жизни и каким он являлся. Ночь была мучительна, но чертовски приятна... Что ещё могу сказать, вернее, написать...

Наутро я встал и первое, что мне пришло в голову:

«Что со мной происходит? Это что-то новое! Неужели в роман начинаю попадать...» — подумал я, взглянув на часы, на которых горели яркие цифры: 8:16.

«Сна, верно, больше уже не будет, так что стоит вставать», — решил я и проснулся.

В районе шестнадцати я встретился с товарищем близ университета — беспросветно лил назойливый холодный дождь, крыши домов были окутаны лёгкой прозрачной природной пеленой и люди, собравшиеся вокруг, всё скорее спешили спрятаться в подземку, чтобы настоячивые мелкие капли своей мелодией не оставляли крупных капель на их одеяниях. В метро внутри было на редкость душно — особенно несвободно и дискомфортно. На станцию каждые секунд двадцать вываливались огромные толпы людей, которые, пока спускались на коричнево-фасолево-серый перрон — мрачный и скучный — отряхивали свои зонтики.

В новом поезде — нечастом госте на нашей Замоскворецкой ветке — передо мной показалось множество студентов вузов, спешивших в пятничную пору, близкую к вечеру, домой или на прогулки.

К счастью, спустя минут двенадцать всё кончилось, так как с шумом и без почестей оказались мы на Тверской. На Тверском бульваре повсюду блестели мутные зеркала на земле, порой впитавшие в себя осеннюю, я бы сказал, раннеосеннюю листву, ещё не такую багряно-оранжевую, как листва в начале ноября, но уже, конечно, не в традиционном своём зеленом платье. В лицо дул арктический глухой ветер, однако нам с товарищем он совсем не мешал беседовать о жизни, и об учёбе, да и о других пустяках.

— Может, мы отошли от реальности? — спросил он в один момент у меня...

— Да... Не знаю... Может, реальность слишком часто меняется — ответил я ему, пока проходили по Тверскому вниз к Никитской. Длинный парк, если его так можно назвать, на Тверском бульваре ещё не успел отойти от летнего сезона, инда столы для тенниса, лежаки и корт для падел-тенниса были покрыты острыми, как ножи, дождевыми каплями.

— Как быстро всё меняется! — сказал я другу, поглядев на грустное, несчастное поле для пикника, всё в лужах и листьях, вспоминая, как жарким июльским днём мы ровно на этой поляне кидали большие серые тяжелые шары для петанка.

В центре, если бы не бесконечно носящиеся с двух сторон бульвара автомобили, было совсем тихо и камерно, будто в зрительном зале достойного театра. Поскольку уже был вечер и благодаря цвету пасмурного неба невозможно было бы что-либо разглядеть, включалась на зданиях лимонно-желтая подсветка и оранжевые фонари. Орнаменты зданий, стоявших и справа, и слева от нас, подчёркивали свою изящность при помощи работающих светодиодных ламп. К шикарным зданиям, к завидным жилым и не только помещениям, всё время подъезжали роскошно одетые люди — в костюмах, отстиранных до белизны и отглаженных до блеска, и

платьях, пышных и нарядных, поверх которых были коричневатые и бланшевые шубки, которые вместе с костюмами шли в многочисленные пафосные заведения, расположенные в левой части Бульвара, если по нему спускаться.

Пятница — Москва, хоть в холод, хоть в слякоть, хоть в темень, гуляет, конечно, по-разному, по возможностям, но никто не отказывает себе в подобном удовольствии. В тех заведениях кипит жизнь — светская, идеальная, беззаботная, порой донельзя иллюзорная, что и не сразу скажешь, въявь ли это всё или нет. Столы в тех местах ломятся от всяческих изысканных деликатесов и игристого; темы, звучащие в разговорах, если и связаны с какой-то проблемой, то эта проблема настолько пустяковая, что другим она может показаться сплошной издёвкой. Капустники, про которые писал Бунин и которые стали скучны, а впоследствии противны главной героине «Чистого понедельника», сейчас никуда не делись — они всё так же проходят в роскошных местах нашего времени, имеют приватный и закрытый характер, понять который доступно далеко не каждому жаждущему этого. Я в таковых мероприятиях личного участия не принимал, однако вполне уверен, что от тех капустников наши современные мероприятия если и отличаются, то только темами для светских бесед, телефонами и угощениями.

А с другой стороны Тверского бульвара виднеется Театр имени Пушкина; выглядывала церковь с куполами и пару других домов, мимо которых постоянно носились машины. Жизнь там была заметно скромнее, спокойнее, *diminuendo*¹, чем слева. По аллее шли мы себе к Никитскому, поскрипывая обувью по дорожке из какой-то смеси грунта, песка да пыли. Люди, особенно шедшие вверх, совсем никуда не спешили, спокойно, шаг за шагом отдаляясь от нас в противоположном направлении. У здания ТАСС мы остановились, решив подумать, как бы нам построить наш маршрут дальше.

— К набережной? — спросил я.

— К набережной! — немного подумав, сказал друг.

— По Гоголевскому бульвару, — неожиданно добавил он, на что я одобрительно кивнул.

На Никитском бульваре, посредине которого раскинулись стенды с живыми фотографиями какого-то художника, явно авантюриста и экстремала, так как добрая половина из них была точно сделана в свободном полёте, было ещё более пустынно и безжизненно, чем на Тверском. Небо приняло уже более тёмно-морской цвет, но, к счастью, за прошлые страдания наши дождь полностью отступил, пригласив на подмену себе только ветер.

Спустя минут восемь оказались мы подле Арбата — кровеносной артерии центра Москвы; Арбат никогда не спит, он всегда полон сил, энергии и готов манить к себе всех, кого только можно. Машины, светя друг в друга и смотря друг другу в светящиеся глаза, пролетали как лучшие минуты жизни: быстро и навсегда. Подсветка в образе российского триколора на фасаде нового отеля «Космос», лишь, кажется, летом открывшегося на радость нашим отельерам и гостям города, напоминала о том, что и в настоящем нашем есть хорошее.

— Какой красивый отель! — сказал я другу и показал на подсветку, яркую и неоновую, на стеклянном фасаде чудного современного здания. Кто знает, может, через сотни лет об этом «Космосе» будут так же говорить, как о легендарных «Метрополе» и «Национале» ... Кто знает, кроме времени — самого точного мыслителя.

Вышли на Гоголевский — необычайно мрачный да тёмный в тот момент, если бы не рыжие фонари, ослеплявшие вблизи своим огнём. Каким-то немыслимо тихим и камерным мне показался в те минуты этот бульвар, его постоянные скамейки и столы, высокие деревья, люди, гулявшие в тот момент по нему. Стало тем временем совсем темно: на небе не осталось ни одного светлого пятнышка, а только глухое одиночество и беспросветная тьма.

«Неужто и у нас в жизни такое?» — подумал я про себя. «Отчего мы так и существуем — зарождаемся в свете розово-жёлтых лучей раннего рассветного солнца, озаряя счастьем всех

¹ Ослабление звучности, постепенный переход от громкого звучания к тихому; тише (*итал.*)

вокруг нас, появляемся на свет — и начинается солнечный день. Затем растём, развиваемся, взрослеем, подобно солнцу в ясный знойный летний денёк с утра, когда с каждым часом, с каждой минутой, с каждой секундой оно становится всё сильнее и сильнее.

Дале мы переходим уже к взрослой жизни: начинаем работать, творить, влюбляться, страдать, сочувствовать, смеяться, плакать, становиться сильнее, и с каждым мгновением становимся всё лучше, и наконец доходим до высшей нашей жизненной точки — мы находимся, будто солнце в зените, когда оно озаряет всю округу теплом да напоминает о том, что вот где самая настоящая жизнь. Пока мы в зените, нам всё нипочём, всё можно выправить и усовершенствовать, улучшить, всё можно восстановить... Нужно жить — жить так, чтобы перед собой нестыдно было и о тебе помнили, желательно лишь хорошее; не забывали, ведь когда говорят о солнце, оно у нас ассоциируется с собственным ярким образом, находящимся посередине неба, не прикрытым ни облаками, ни хмурыми тучами.

Затем же зенит проходит, и солнце начинает опускаться всё ниже и ниже, светя не так ярко, грея не так тщательно — так и мы начинаем стареть, меняя свои жизненные принципы, вдобавок, по-другому расставляя приоритеты на будущее, становясь более задумчивыми, более расчётливыми, опытными и рациональными.

После наступает самый сложный этап нашей беспокойной жизни — это её закат: он не всегда может быть ярким и грандиозным, он не всегда может быть печальным, но он есть, как и земной закат. Закат может быть незабываемым, красивым и запоминающимся, а может быть серым, трагичным, но одно верно точно — после него на небо наступает глухая, пустынная, бездушная, одинокая темнота, после которой в нашей жизни уже не будет ничего... Уже не будет эстетичного рассвета или романтического дождя, пугающего грома или грандиозной молнии: останется только тёмная неизвестность и исполинская тишина. Наша жизнь похожа на солнечный день, но ей никогда не стать солнцем, потому что солнце встаёт и заходит каждый день, спит, и начинается у него новая жизнь. У нас же всего одна попытка, чтобы родиться, сделать всё, что в наших силах, чтобы прожить жизнь не напрасно, а затем уйти в мир иной — в неизвестность».

Подумал я об этом, взглянул на непроницаемое, беспросветное небо — и мне стало как-то холодно. Я настолько почувствовал себя в душе всеми покинутым, что сложно даже подобрать по этому поводу какие-то слова, не говоря уже о лексических и словесных приемах.

— Ты слышишь меня? — задал мне вопрос друг.

— А? Что? О чём ты? — спросил я у него, головой будучи ещё в своей пучине мыслей и одиночества.

— Уши прочисть! — услышал в ответ я.

— Да я задумался! Извини... — сказал я, но уже вернулся мысленно к Гоголевскому.

Мы вышли к «Кропоткинской» — здесь народу уже стало гораздо больше, но все скорее спешили из или в метро, не особо интересуясь прогулкой по ночной осенней постдождевой Москве — такой умиротворённой, душевной, одинокой и никем не тронутой. Показался весь серо-белоснежный, покрытый строительными лесами в очередной раз Храм Христа Спасителя, монументально смотревшийся посреди тёмных зданий и выделяясь своей безупречно яркой белизной, золотом куполов.

— К набережной? — перебил я товарища, когда мы стояли перед светофором меж «Кропоткинской» и храмом.

— Да, куда же ещё? — ответил он, и мы перешли длинную, хорошо заасфальтированную дорогу, и пошли по небольшой дорожке к набережной справа от Храма. Вскоре показался Дом Перцовой — очень старое краснокирпичное здание, стоявшее прямо перед Пречистенской набережной.

— Какой роскошный дом! — сказал друг.

— Написано, что это Дом Перцовой и что открыт он был чуть больше века назад, — ответил я, не сводя глаз с таблички на этом здании.

Снаружи виднелись элементы цветной майолики, что значительно выделяло это архитектурное сооружение посреди всех остальных домов, встречавшихся повсеместно. Дале пробежало перед нами несколько машин, роскошных и быстрых, с рёвом моторов устремлявшихся в сторону Парка Культуры, и перед нами наконец предстала Москва-река — немного грязная и мутная, зелёная да ничуть не прозрачная, но широкая, а также показался Кремль — самое-самое главное место для каждого, для кого Россия — больше, чем страна рождения. Ещё открывался достойный вид на бывший цех, а ныне модный гастрорайон «Красный Октябрь» и внушительный памятник Петру.

— Давай постоим пару минут, — сказал я другу, — хочу смотреть! Любоваться... — после чего неподвижно смотрел в сторону Зарядья, а затем Третьяковки и начал думать о том, как же там было красиво.

Яркие огоньки на ресторане «Красного Октября» отражались в воде и размывались, верхушка корабля Петра светила чем-то красным, словно маяком, набережная подле него и Третьяковка были освещены другими белыми мелкими огнями. Снизу, под моим лицом возле ладоней, которыми я опёрся на борт набережной, лежало много красивых, слегка уже подвявших цветочков совсем разной цветовой гаммы: и лиловые, и красные, и жёлтые — все они были посажены лишь месяца два назад, а уже с наступлением холодов и дождей обильных, впрочем, их состояние становилось хуже.

В голове пронеслась, когда стоял и смотрел на эту дивную, ночную, одинокую Москву, одна лишь мысль — как бы хорошо было, если бы она сейчас гуляла тут рядом со мной и видела всю эту красоту здесь. Как бы это было органично, просто, но очень, знаете, манерно да по-особенному эстетично — прогуляться с ней именно в такую осеннюю пору, когда на улицах нет людей, когда Москва особенно таинственна и спокойна, когда погода сама тебе открыто и искренне говорит: «Влюбляйтесь, сейчас самая лучшая пора для этого».

«Набережная, разговоры, глухая тишина и почти никого вокруг, бунинская любовь и бунинская осень», — размышлял я, смотря на отражение огней домов в Москве-реке. Компания товарища мне была и так уж очень приятна, но мысль о ней тоже неспроста возникла и всё больше начинала понемногу согреть меня изнутри и моё слегка холодное сердце.

— О чём думаешь, друже? — спросил у меня товарищ.

— Да о девушке одной... Нам было бы славно, если бы я мог показать ей здешние места, — сказал я.

— Ну... Можешь позвать, попробовать, — сказал он и тоже пошёл смотреть куда-то в тёмную, покрытую веснушками ночных огней речную даль.

— Подумаю, друже, нужно время, — сказал я товарищу, предложив пойти в сторону Фрунзенской набережной.

— Пошли! — сказал он, после чего побрели мы к Фрунзенской набережной.

Справа стояли статные старинные дома, где теперь были посольства, резиденции и институты, после которых шли шикарные жилые комплексы с квартирами, заработать на которые крайне затруднительно, если не невозможно. Снова показались рестораны, модные и роскошные, хотя с виду вельми минималистичные, но они были практически полными в районе семи часов вечера. Покамест проходил, заметил, что в одном заведении сидело чрезвычайно много девушек, обладавших, бесспорно, притягательной наружностью и ухоженностью, однако сидели они прямо-таки толпами и очень плотно, хотя подобных заведений по Москве, конечно, сотни, если не больше.

У моста, соединявшего парк Горького и метро «Парк Культуры», мы решили повернуть в сторону Остоженки, чтобы по ней пойти в сторону Пречистенки, а от неё уже в сторону МИДа. Вот здесь, среди старых домов, широких улиц рядом с узкими тёмными улочками и жилыми дворами, открылась та самая настоящая, старая, шикарная, неподдельная Москва — без реновационного мейкапа, без роскошных закрытых жилых комплексов и люксовых спортка-

ров, разных входных групп... Классическая, старинная Москва со своими прикрасами, понятными далеко не всем. Остоженка была чересчур светла и пустынна — показался только один нёсшийся к остановке электробус вместе с несколькими девушками, спешившими куда-то в сторону Садового кольца.

«Какая просторная светлая улица, вот тут бы с ней гуляли!» — снова промелькнула у меня в голове мысль, но я уж решил об этом умолчать. Пока шли к Пречистенке, постоянно показывались всё новые и новые дома — старые купеческие, а ещё доходные, на каждом из которых висела, каждая в своём особом стиле, табличка.

Погода стояла совсем ясная, лишь только мокрая опавшая цветная листва и нечастые лужи напоминали о закончившемся пару часов назад дожде. На Пречистенке было привольно и атмосферно, классически выверенно и благородно в плане общественного порядка с общей атмосферой. Показалось монументальное здание усадьбы Охотниковых, покрытое всё строительными лесами по причине ремонта в находившейся в том здании музыкальной школе. В окнах строения виднелись мешки со строительным хламом, голые стены и безликие школьные парты.

— Пойдём! Я тебе покажу двор, где много раз бывал, — сказал товарищ мне.

— Может, не надо нам? — ответил я с напряжённостью в голосе.

— Пойдём, пойдём! — сказал товарищ, словно прыжками устремившись туда.

Повернув в сторону дворика со стороны Кропоткинского переулка, мы не спеша вступали шаг за шагом на территорию этого славного старинного московского подворья на Пречистенке, расположившегося меж стен усадьбы и двух, стоявших подле друг друга старинных московских домов — одного цвета бордово-рыжего, другого — лимонно-солнечного.

— Ой, как здесь красиво! — сказал я, смотря на это дивное место, всюду покрытое разными растениями и высокими, давно посаженными деревьями. Подо мной шуршали сотни оранжево-зелёных листьев, особенно много было листиков клёна — идеально геометрически созданных природой и таких огромных, ярких, словно были взяты из какой-то музейной экспозиции. Старинные дома тоже были подсвечены, но, знаете, они так идеально вписывались в этот сад, что, если есть какие-то идеалы в жизни, точнее, примеры их если будут необходимы, то таковое место может стать реальным образцом нечто образцово-эстетичного. Дома, стоявшие среди огромных деревьев вперемешку с листвой, в окружении других растений этого сада, были как декорация из фильма (кстати, товарищ сказал, что кино там постоянно действительно снимали и продолжают снимать, поскольку место для Москвы уникальное).

Мне, признаюсь, трудно описать словами и передать при помощи эпитетов всю ту атмосферу, царившую на тот момент там, где стояла глухая, исполинская, пустая тишина, какую в Москве никогда практически нельзя поймать. Лишь хруст мокрых листьев под ногами немного нарушал этот консонанс, и порой ещё ветер двигал ветки деревьев по своему желанию, что превращалось в небольшую, но органичную музыкальную композицию.

«Как же тут тихо, как же красиво...» — подумал я про себя, посмотрев на кроссовки, находившиеся в полном одиночном окружении огромными кленовыми фигурами, одну из которых я взял в руки. Этот листик был особенно наряден по последнему писку моды осеннего сезона, а именно: в оранжевый фрак с красно-зелёными аксессуарами и ботинками. Он как будто сошёл с какого-то принтера и был вырезан из бумаги настоящим мастером.

«Какой дивный листок! Была бы она сейчас со мной — я бы сейчас ей такой подарил. Интересно, понравился бы ей?» — подумал я.

— Как же здесь, дружище, красиво. Она... Тоже красивая девушка... — сказал я уже вслух товарищу, немного засмущавшись из-за такого прямого своего высказывания.

— Я всё понял. Ты просто влюбился — в этом и дело! — спокойно да с доверительным тоном сказал он мне.

— Не знаю... — не стал я отрицать в ответ. — Ну да ладно, забудем. Пойдём в сторону «Смоленской».

Шли до «Смоленской» мы улочками посреди жилых старых домов и роскошных ресторанов. На одной из улиц показался даже «Музей русского казачества», о существовании которого в этом районе я никогда достоверно не знал. Мы всё шли и шли по многочисленным улочкам, подходя всё ближе к Смоленской, говоря обо всём, о чём только можно, — даже о казаках вместе с дворянами принялись в один момент беседовать.

Однако я всё чаще стал замечать, что где-то в глубине души сейчас, на ту секунду, точнее, главным в моей голове было лишь одно слово — «ОНА»: оно как-то произвольно у меня кружилось в голове, как-то проконтролировать это было нельзя, но упразднить подобное сладострастное озарение не было никакого желания. В голове всё чаще всплывал её образ — каштановые волосы, серые глаза с каким-то тёмно-зелёным отливом, брови да в целом притягательное лицо её появлялись где-то в моей голове всё чаще, чаще.

Тем временем вышли мы к МИДУ, но не со стороны Смоленской и Садового кольца, а со стороны как раз Пречистенки — здание не с привычной мне стороны показалось чудовищно огромным, громоздким и устрашающим, в особенности если сравнивать с милыми старинными домишками — теми, что виднелись минут этак 20—25 назад на Пречистенке.

— И как такое люди умудряются проектировать, а потом ещё, вдобавок, аккуратно построить? — сказал я другу с любознательно-вопросительным тоном.

— А вот так. Больше знать будешь — раньше состаришься, — сказал он мне и засмеялся, а я в лад за ним.

Вскоре вышли мы, наконец, к Смоленской, решив дойти до любимого нашего итальянского ресторана на Большой Никитской. На Смоленской вдоль Садового прокожих было уже гораздо больше — было видно, что в 8 часов уже народ решил всё-таки выйти на улицу, завидев отсутствие дождей на ней. Около «Лотте» на Смоленской стоял шквал дорогих, очень крутых автомобилей заморского производства, будто из журналов про роскошную, успешную жизнь.

По прошествии где-то минут тридцати с учётом захождения нашего непродолжительного в мелкие магазинчики, посещение которых решительно точно не повлияет на линию повествования, мы, к радости, добрались до Большой Никитской, до спокойной двухэтажной семейной ресторации, достойной домашне-итальянской кухни. Ресторан внутри был не полон; скорее, даже судя по тому количеству человек, что были в нём в 9 вечера того дня, можно задать обыденный провокационный вопрос: «Ресторан был наполовину полон или наполовину пуст?». Многие сидели парами, многие — семьями, кто-то решился прийти в одиночку — но в целом, если убрать велеречивые обороты и излишнюю детальность, паста на вкус была прекрасна, оставляя открытым лишь вопрос цены, которая была необъяснимо высокой, однако не про деньги наше сказание, ведь они, без сомнения, недостойны, чтобы посвящать им целое живое литературное произведение, если только автор — не экономист, на что я претендовать и не смею.

Обсудив жизнь и дела по учёбе, устремились мы с ним в сторону Пушкинской, дабы там и расстаться. На Патриарших Прудах было как-то обыкновенно пошло, пафосно да и беспонтово, вперемешку с дешёвой псевдовысокостью, что сейчас является суровой, жестокой действительностью для данного места.

— Какие девушки... — говорю я, — тут. Жаль только, что с душой и характером у подобных частенько беда! С такими любви не будет, а если и будет что-то, то таковое явление и любовью назвать язык не повернётся. Общаться должно быть с человеком приятно, на характер решительно стоит обратить внимание; если выбирать только внешность или лишь статус, далеко не уехать.

— Времена не те... — добавил я с нотами минорных оттенков в свою мысль, когда проходили мы мимо какого-то чрезвычайно модного среди светской общественности питейного места, прозванного «Аистом».

Мимо нас шёл нескончаемый поток разных девушек, шедших то в одиночку, то парами, то порой и целыми группами: и симпатичные были, конечно, да на любой, что называется, вкус. Хотя нет, не нравится эта фраза здесь, иначе она может легко приобрести пошлый окрас, что не совсем связано с моим произведением, скорее, полностью противоречит... Или... Так вот, но мне не было до этих пассий никакого дела, ведь в голове мелькал и маячил нежным бланшево-турмалиновым светом лишь один её образ — в прекрасном и аутентичном его обликии.

У «Макдоналдса», на десерт взяв по горячему вишнёвому пирожку, когда было где-то без пятнадцати одиннадцать, мы наконец распрощались.

— Удачи тебе! — пожелал мне товарищ вслед, а я отправился обратно в свой район, полный мыслей и чувств, но жаждущий идей и способов их достойного и великого выражения.

Суббота да воскресенье прошли для меня вмиг — как одинокий ночной поезд, шедший в дождливый осенний вечер по уездным путям от деревни к деревне, пронесившийся по глухим тёмно-оранжевым и багряным полям, исходившим букетами чарующих ароматов падших листьев и романтической октябрьской улады. Выходные были престранны — мысль о ней не выходила из головы ни на секунду. Каким бы занятием я ни пытался заняться, какое бы развлечение я себе ни пытался сыскать, о чём бы другом я ни пытался подумать — в конечном итоге мысли о ней мгновенно изгоняли из моих раздумий все другие темы, которые могли туда попасть.

«Что сказать? Как сказать? А надобно ли что-то говорить? А написать ли? А стоит? А заправду я влюбился? А влюбился ли? А что значит „влюбиться“? Куда пойдём, если согласиться? Как быть, ежели откажет? С чего откажет? Зачем мне влюбляться? Почему же я влюбился? Зачем я? Почему она?» — в голове эти вопросы, словно на карусели, действительно, постоянно крутились вокруг моего разума, заставляя меня ежеминутно обдумывать всё. Но время неумолимо шло, и вот наступила новая рабочая неделя...

Покамест добирался в университет, поймал себя на мысли, что думаю сугубо о том, как увижу её, а не об учёбе или каких-то других моментах, чего намерен представить совершенно не мог. Захожу в кабинет, и мои глаза сразу ищут её, а спустя мгновения с сожалением опускаются в пол, когда не замечают её образ.

«Интересно, что с ней?» — задумался я, а тем временем началась пара, слушать которую, признаюсь, энтузиазм значительно снизился до минимальных значений. Но через минут пять сонная утренняя тишина, бывшая нормой и базовой вещью для первой на заре пары понедельника, прервалась её мерными, словно по тактам, шажками по кабинету. Мои глаза сразу поднялись из тетради и стали смотреть на неё, отчего я почувствовал какое-то необъяснимое жжение, какой-то жар в двух местах: в груди, где-то неподалёку от сердца, и в своей голове.

— Привет, — тихо сказал я ей, пока она шла до места своего, на что я услышал ещё более тихое, бежевое и спокойное слово «привет». Волей-неволей я начал смотреть в её сторону, на волосы и в целом на её жесты, поведение. Она сидела вельми смиренно, спокойно, холодно записывая что-то за преподавателем и доской, часто поглядывая в сторону сообщений в мобильном. Я же за этим ненароком наблюдал, всё больше чувствуя, что в груди все ярче и сильнее разгорался огонь, и мысль о ней не покидала мою голову.

«Ладно, ещё немного нужно времени. Что-то со мной происходит», — подумал я про себя и с огромным трудом и будто скрежетом постарался переключить фокус своего внимания на учёбу.

Так продолжалось несколько пар подряд. В конце последней пары преподаватель отпустила всю группу по своим делам, из-за чего в один момент мы все вышли из аудитории в сторону непосредственного выхода из университета. Но уже на выходе увидел я её одну в

угольного цвета пуховичке, когда она доставала карточку, чтобы покинуть стены учебного заведения. Остальные, вероятно, были ещё в гардеробе или куда-то запропастились; я же, держа свою куртку в руках да припоминая, что ждать мне на тот момент было некого по причине отсутствия лиц таковых в университете, устремился вслед за ней к выходу, и где-то на уже подступах к институту я увидел, как она средними, но резвыми шажками бредёт в сторону нашего метрополитена. Через секунд двадцать я её окликнул, весьма громко, бойко, но очень вопросительно, по имени, на что она слегка удивлённо, но в то же время буднично обернулась и посмотрела прямо на меня, практически остановившись, снизив скорость своего удаления от меня чуть ли не до отрицательной величины.

— Ты домой? — спросил я у неё, поравнявшись с ней, шагая рядом справа.

— Да... Наконец-то! — ответила она с облегчением и лёгкой радостью, но какой-то не открытой, а слегка уловимой, как, знаете, в духи добавляют некоторые ингредиенты для придания основного аромата, а ещё какие-то — для акцентов и мелких ноток; так вот, и та её радость была слегка уловимой! Или, как, знаете, подснежники таинственные распускаются посреди снега, делая радостным всех, кто их может сыскать под пушистым морозным одеялом; так веселость её тогда могла быть легко сравнима с одним подснежником — нежным и молодым, цветущим под белыми земными облаками.

— А ты куда? — спросила она у меня и повернулась ко мне головой, посмотрев на меня выразительными своими, как мне показалось, серовато-полыневыми глазами, в которых было что-то малахитовое, это точно, и которые подчёркивались слегка изогнутыми изящными бровями.

На улице тем временем было очень серо да уныло — назойливого, мелкого морсящего дождя не наблюдалось, хотя туман не желал покидать по крайней мере наш район. Не рискнул я, признаюсь, надолго задерживать взгляд на её лице, чтобы не прослыть вызывающим наглцом, так что отвёл глаза немного в сторону, когда она сама пристально на меня посмотрела. Вскоре мы молча дошли до спуска в метро в непосредственной близости от вестибюля, около которого мы остановились сунапротив друг друга, и я начал заводить разговор на очень, исключительно отвлечённые темы, связанные с жизнью, но никак не связанные с учёбой или прочими заботами судьбы. В душе я чувствовал, что мне с каждой секундой приятнее и приятнее становилось общаться с ней, смотреть на неё, немного думать над ответами на вопросы и напроць забывать, а как живётся в нашем сером привычном мире.

Мы стояли и общались с ней этак минут двадцать: я всё более убеждался в благородности и правильности намерений моих и я бы, уверен, мог простоять так весь день, а затем и всю ночь, пока на горизонте не приметил толпу одноклассников, издали заметивших, в том числе и меня с ней, которые через пару мгновений уже обступили нас и прервали общение тет-а-тет... Это тоже, понятное дело, здраво и неплохо, но это было не совсем тем, что мне было нужно на тот момент. Через минут пятнадцать оживлённой — по причине моего, без лишней скромности признаюсь, модераторства — беседы я со всеми распрощался, пожав каждому руку. Обняв её, взглянул ей вслед и тоже побрёл по своим делам. Голова моя гудела и одновременно пылала от, как потом оказалось, чувств и мыслей о ней.

«Как приятно и красиво, как живо и органично! Неужто это взаправду? Или мне просто кажется, что влюблён?» — подобные фразы пролетали у меня в голове, пока я вышагивал по холодной и серой улице, которая на тот момент отчего-то таковой мне вовсе и не казалась, наоборот, вельми свежей, родной, однако до крика типичной московской улицей любого спального старого района столицы, отличного от того собрата, который причислен к историческому центру.

«Походу влюбился...» — впервые по-настоящему признался себе, когда зашёл в квартиру и опустил руки под ледяные струи нёсшейся из крана воды, которые спустя несколько моих неловких движений стали стекать по моему слегка даже покрасневшему от жара лицу.

«Люблю!» — промолвил я, посмотрев на себя — покрасневшегося, всего покрытого водой, — и вышел из ванной к своим родителям.

За обедом я старался быть примерно в обычном для себя скверном расположении духа, но держать своё привычное лицо тогда было совсем трудно, тем более что обедал я непривычно медленнее, монотоннее, чем обычно, но и материнское сердце — оно тоже не глухое. Материнское сердце и любовь его — это самая сильная любовь, существующая в мире, отчего любимая моя мама своим что ни на есть, родительским чутьём, быстро заподозрила что-то странное и неладное, спросив, когда я серьёзно задумался в одну секунду, перестал есть да стал считать ворон, глядя в пол:

— Сынок, о чём думаешь?

— Да там, — говорю я, — о разном. Всё хорошо! — сказал я максимально, насколько это было возможно в те минуты, спокойным, успокоительным тоном, слегка в конце даже заулыбавшись.

— Ты сегодня сам не свой! — как-то грустно сказала она, явно прекрасно понимая, что я думал на самом деле о чём-то серьёзном. Видно было, что она расстроилась оттого, что не готов был я об этом ей поведать.

После обеда торопился я устроить себе небольшой привычный перерыв в компании социальных сетей, как бы порой они мне ни были неприятны, но я снова начал ловить себя на той же мысли, что она и её образ из моей головы не уходят, что доставляло мне, не сказать чтобы неприятные, конечно, но вельми неясные неудобства, — с другой стороны, открывая куда большие просторы для творчества, душевных терзаний, и мыслей, и грёз.

«Может, позвать её встретиться? А куда и зачем? А если откажет? А если я передумаю? А правда ли настолько влюблён? А почему я решил, что влюблён? А вдруг я душе её не мил, ежели она мне мила? А что такое любовь?» — эти вопросы постоянно крутились в моей голове, не давая мне возможности подумать о чём-то другом, более неприятном и брэнном.

На улице тем временем уже заходило солнце. В городе оно заходит, как по мне, менее красиво и более прозаично, чем где-нибудь в поле около деревни или на пляже на морском горизонте. Из окна стало видно, как на улице начало включаться освещение; огни фар автомобилей становились всё чаще различимыми глазам, небо постепенно начало обменивать свою серость на тёмно-синий окрас. Из-за общей туманности и отсутствия яркого солнца закат сегодня был чересчур скучен и банален для московского октября, не сопровождаясь ни рыжевато-розовыми просветами на небе, ни мелкими дождями.

Так и пролетел вечер: дела, конечно, были сделаны мной, но с чрезвычайной оговоркой — не все, и те, что были выполнены, были сделаны очень медленно, потому что мне всё время мучительно хотелось то послушать гармоничную музыку, то взять тетрадь с ручкой, то остудить плавающие щёки и голову студёной водой.

На часах было за два ночи — я отчего-то без особых сил рухнул на свою кровать с намерением уснуть как можно скорее, чтобы начать новый и светлый, надеюсь, день с новыми силами, ведь планы на него были, и были они важными: я всё-таки решился попробовать позвать её встретиться — и не где-нибудь, а как раз-таки в районе «Арбатской» или даже «Тверской», чтобы пойти уже с ней в сторону Пречистенской набережной. Минут двадцать я ворочался, всё время обдумывая план своих действий на день грядущий, пока в голове отчего-то не стали всплывать воспоминания из прочитанных мною книг про любовь — среди них был Желтков со своим «Гранатовым браслетом», который, конечно, был решительно связан с любовью — отважной и нежной, но, к огромному несчастью, неразделённой; Ганин и Алферов вместе с образом «Машеньки» — тоже, согласитесь, пример чистой, красивой, белой любви, однако с не самым приятным результатом её. А также всё время вспоминалась моя пятничная прогулка по холодным и пустынным центральным улочкам Москвы, очень напоминавшая, по моим ощущениям, Москву — в плане погоды, атмосферы, каких-то эмоций, образа — бунинскую из

«Чистого понедельника» — без каких-то весьма ярких красок и сногшибательных эпитетов, однако классически выдержанную и достойную.

Уже пробило три: я всё лежал, смотря на блески огней ночных зданий, думая о ней и этих, неслучайно вспомнившихся мне книгах, на мгновение пытаясь уснуть, но очень скоро переворачиваясь на другой бок и начиная дальше обо всём думать.

Небо в ту ночь было тёмным; было видно, как оранжевые уличные фонари своим светом ломали мутный туман, спустившийся на Землю в такой, для кого-то чрезвычайно поздний, а для кого-то недостаточно ранний, час. На небе пока не наблюдалось ни единого признака скорого рассвета, ведь до него было ещё около четырёх часов. Наконец, в один момент огни и небо передо мной размылись, и я погрузился в чары сновидений — тёплые и сладкие, мягкие и чудодейственные, но такие холодные и многозначачие.

Однако и во сне тема любви меня не отпускала: я в жизни не могу назвать себя истинным поклонником и ярым сторонником постоянного чтения, познакомившись, к своему стыду, не с таким большим количеством художественных произведений, как бы хотелось или стоило прочитать поистине грамотному человеку, но мне снова стала сниться книга, а точнее — роман, мой самый любимый роман — «Герой нашего времени».

Передо мной показались Печорин, княжна Мери, гулявшие по тёмным аллеям Пятигорска, проходившие мимо сероводородных питьевых источников и бюветов с минеральными водами. Княжна Мери отчего-то у меня во сне рядом с Печориным явилась с особой, несколько даже наивной и детской радостью на пару с очень тонкой, но до бессилия приятной улыбкой на её белоснежном от французской пудры лице. Печорин же, аккуратно выбритый и солидный с виду человек, выглядел с ней тоже вполне довольным: на его лице была замечена совсем маленькая улыбочка, и обычно холодные глаза его вовсе не выглядели таковыми — наоборот, я бы сказал, что их даже слегка растопили, судя по тому, как пристально и неравнодушно он смотрел на княжну в то мгновение.

Они шли рука об руку, мерно и плавно вышагивая каждый метр по каменной дорожке, сделанной вдоль аллеи с высокими-высокими великолепными деревьями, где были высажены статные дубы, клёны, которые соседствовали с соснами. Вокруг нашей парочки гуляло множество таких же, как они, парочек, так же мерно и плавно шагавших по осеннему южному рубежу Российской империи тех времён в лучших традициях знати того времени. Княжна в моём сне постоянно хихикала, а Печорин же, напротив, был весьма скромен в своём поведении, однако всё время старался, хотя и тихо, и ни в коем случае не вычурно, сказать какую-нибудь приятность юной, кроткой княжне, которая всё больше и больше от такого расцветала с каждой секундой, как весенний цветок, который только увидел горячее, ласковое солнце после безбожных, серых, тёмных дней, сопровождавшихся до ужаса тихими и холодными ночами и крайне короткими днями.

В один момент сон резко начал расплываться; герои, сопровождавшие меня всю ночь, словно слова на мокрой бумаге стали было растекаться, из-за чего я вскоре проснулся. За окном была темень крошечная — небо было какого-то светло-угольного цвета, слегка подсвеченное и размазанное туманом, который заботливо заволок за собой все высотные здания, что были видны из окон квартиры, где я жил. Решил дойти до кухни, чтобы утолить собственную жажду, поскольку мне мучительно захотелось пить. Там мои подозрения по погоде лишь подтвердились — огромные небоскрёбы, которые обычно были ярко подсвечены, видны лишь были на 30%, словно им отрубили их большую часть, перенеся её куда-нибудь в другое место.

Спустя пару мгновений я, уже боле не измученный жаждой, погрузился в исполинский по нравственной и эмоциональной тональности сон с намерением поспать ещё часа три, иначе силы было бы даже не восстановить. Второй сон за одну в целом беспокойную ночь был совершенно одновременно и не похож на сон про Печорина, и до боли похож по причине синонимичного, скажем так, мотива произведения.

Передо мной явилась девушка, до изнеможения, если не на все 100%, похожая на неё, только, кажется, взрослее на лет пять, одетая и припудренная не совсем в ногу с нашим временем, скорее, как прихорашивались и ухаживали девицы за собой где-то век назад. Рядом с ней был молодой человек — тоже очень статный и скромный, смотревший на неё, как по-настоящему, искренне влюблённый в девушку человек, не боявшийся смотреть ей прямо в глаза и ждавший, пока она закончит прихорашиваться в коричневой роскошной комнате с кожаной да деревянной мебелью, сидя за туалетным столиком и аккуратно, прямо-таки пальцем подкрашивая верхнюю губу с её контуром красной помадой.

— Куда пойдём, милая? — задал вопрос молодой человек девушке, рассматривавшей свои серо-малахитовые глаза и пушистые реснички в зеркало, моментально заулыбавшейся, когда услышала его слова.

— Дорогой, пойдём к Красным воротам сегодня, — ответила она, начав обуваться в собственные шикарные кожаные сапоги, явно стоившие не меньше одной, а то и двух сотен рублей.

На улице было темно, холодно и туманно — ровно так же, как и было на улице несколько минут назад, когда я выглянул в окно. На мощённых булыжными камнями и немного грязных дорогах не было машин; повсюду стояли тройки с извозчиками, предлагавшими свои услуги за пару целковых. В один момент он стал смотреть на какое-то ярко-красное архитектурное сооружение, которое я никогда до этого не видел в центре, иначе, если бы увидел, то точно не забыл никогда. Кроваво-красные ворота, по размеру бывшие сродни небольшой церкви или жилому дому в несколько этажей, были окружены тяжёлыми трамвайными рельсами и декорированы лепниной, золотыми капителями и белым барельефом. Красные ворота дополнялись восемью статуями, олицетворявшими собой главные принципы, на которых зиждилась Российская империя, а также гербами державы и её губерний.

Москва вокруг Красных ворот, в которой пребывали этот парень и, судя по всему, его возлюбленная, была совсем не той, что представляла передо мной где-то век, по ощущениям, спустя: не было небоскрёбов и новых клубных домов, не было современных арт-пространств и любимой серой плитки; вдобавок вместо синих автобусов носились вокруг моих героев тройки с коричневыми лошадьми под аккомпанемент узких и крохотных трамваев.

— Пойдём, дорогой, ближе к Мясницкой: там так тихо! Трамвая, если уж на то пошло, нет, — сказала, пристально посмотрев на молодого человека, девушка и, схватив его за руку, стала удаляться вместе с ним от площади Красных ворот в сторону Мясницкой и Большого Козловского (ныне Чудовского переулка). Они стали прогуливаться там совсем не спеша. Вокруг них отчего-то не было ни души — лишь невысокие старинные дома, не успевшие ещё никак пострадать от кровавой революции, и лишь издали доносились громкие стуки полупустых трамваев, несшихся вблизи Красных ворот по нынешнему Садовому кольцу.

Особенно красивой атмосфера показалась вглянувшей девушке тогда, когда они очутились в переулке Огородная Слобода, аккуратно меж старинных домов, являющихся сейчас домами А. И. Зиминной, особняками Щербакова, усадьбой Высоцких и доходным домом Плещеева. Дома не были так шикарны, какими они являются сейчас, что показывало и словно предсказывало скорую революцию и упадок знати с дворянством, но не об истории сон мой, а о людях, героях, грёзах, любви и образе...

Так же, как и Печорин с Мери, шли, держась рука об руку нежно и в отсутствии всякого намёка на пошлость, парень и девушка — оба героя молодые, прекрасно выглядевшие, пылавшие от любви без единого аккорда вульгарности и корысти. Такое ощущение, что они словно несли в себе все лучшие характеристики двух таких неоднозначных, противоположных иногда друг другу да порой чрезвычайно широких по своему смыслу слов — слов «красота» и «любовь».

— Как же хорошо, что мы с тобой выбрались на простую человеческую прогулку — такую живую, настоящую, неподдельную. Мне так скучны и чужды в последнее время эти безвкусные

капустники с лживыми и надменными людьми, с глупыми разговорами о мелочах жизни, с притворной драматизацией собственной судьбы, которая покажется небесным даром любому человеку, не попавшему на подобное мероприятие, — сказала она с заметными мажорными нотками в её голосе.

— Как правдивы Ваши слова, дорогая! Как живы они, отчаянны, но до чего обаятельны! — ответил парень ей, очень пристально и эмпатично взглянув на неё, в её резко ставшими болезненными от крика души глаза, после чего очень громко вздохнул.

— Красные ворота и чистый... Чистый понедельник, который всё изменил... — начала было она до той секунды, как начала резко размываться: черты лица её становились всё менее яркими, и через пару мгновений всё-всё погасло, а я проснулся.

«Бунин, Бунин... „Чистый понедельник“, но не совсем он. Отчего Бунин? Отчего „Тёмные аллеи“ и Красные ворота, которых уже нет как век?» — начал спрашивать я сам себя настойчиво и резко, не отойдя ото сна до конца.

«Но если и «Чистый понедельник», то почему такой? Героиня главная была в нём совсем другой наружности, но тоже, конечно, приятной — спору нет, однако же... Какой-то другой «Чистый понедельник», но почему он? Почему, собственно говоря, мне стала сниться княжна Мери с Печориным, и сразу же после этого — бунинская Москва и специфичная любовь из его искусства между девушкой и парнем, до боли похожими... Впрочем, пустой вздор... Или...», — настойчиво и упорно спрашивал я себя, пытаюсь найти ответ на вопросы, всё более и более интересовавшие меня в тот момент.

«Бунин и Лермонтов — разные эпохи, разные люди, хотя темы-то, собственно говоря, схожие — любовь, однако, подходы у них к ней совершенно разные... У Бунина любовь — великая тайна; что-то грациозное, вечное, исполинское и скрывающееся непосредственно в душе нашей... У Лермонтова же, особенно в „Герое нашего времени“, любовь совсем стояла под другим углом... Но, собственно говоря, почему, во-первых, мне приснился Печорин — совершенно другой, с растаявшими глазами, искренне любящий, а во-вторых, почему героиня в „Чистом понедельнике“, приснившаяся мне, до боли души мне напоминает её?» — задал я себя вопросы таковые, внятный ответ на которые придумать становилось тяжелейшей, непосильной мне задачей.

На улице светало... Светало чрезвычайно блекло, каменно, будто в чёрно-белом фильме, однако буднично для октябрьской Москвы. Я глядел в окно, где небо не розовело, не краснело, не желтело, а словно слегка синело или серело, но очень ненасыщенно и антипейзажно, то есть далековато от понятия «красочность». Во дворе шёл одинокий мужчина в синем спортивном костюме, держа за поводок резвящуюся белую пушистую собачку, напоминавшую йоркширского терьера; он был в капюшоне, спасавшем его от мелких ледяных капель дождя. Уже через минут сорок небо приняло на себя будничный серо-белый окрас, как будто сдавшись перед задачей поразить меня своей красотой в тот день.

Чувствовал я себя удовлетворительно, по ощущениям, скорее, за ночь сновидений да мыслей истратив больше сил, нежели получив. Дале были два часа сидения за столом, за которые я постарался ещё подумать о ней, о ситуации, поделав студентские дела да всё остальное, попутно чувствуя, что на самом деле делать данные, базовые для меня до этого вещи было крайне затруднительно, ведь сердце горело, душа властвовала над сознанием, призывая его действовать и делать то, что хотелось ей, а не рациональному мышлению. Голова пылала; в ней всё время всплывали слова вперемешку с фразами: «влюблён», «красивые глаза», «жар», «зачем», «почему» — эти слова всё большими и большими буквами вырисовывались в моём сознании, словно овладевая им, доминируя над ним своей тяжестью — и всё сильнее, сильнее... Пока я наконец не сорвался, взяв первый попавшийся лист белёсой бумаги, синюю ручку, и не начал выводить мелкими и не совсем эстетичными буквами строчку за строкой, боясь

прерваться хоть на секунду, чтобы не потерять всю суть, покамест держал за хвост моё летевшее в тот момент вдохновение.

Зачем здесь я пишу?
Такой ведь парень скромный!
Но как в глаза её гляжу,
Осознаю, что я — влюблённый

Октябрь, отчего так жарко мне?
Хотя я солнца же совсем не вижу...
Обычно счастье лишь во сне
Ко мне приходит — ненавижу...

Быть может, в ней оно и есть —
То счастье, что мне неизвестно.
Иль всё же это судьбы мечь?
За то, что обзывал её нелестно.

Не знаю, долго или нет оно продлится?
Да будет ли оно ко мне учтиво?
Иль вовсе это всё мне снится?
Пока горит в душе серьёзное огниво...

Но каковы глаза! Но как грациозны очи!
Зелёные, но серые — я не могу понять...
Они гораздо больше лунной ночи
Всё могут о любви мне рассказать.

А каждый разговор мой с ней,
Как праздник для души — мне нечего скрывать.
Всё не могу забыть о ней,
Хочу подольше сию главу я почитать!

На улице в Москве так тайно, одиноко...
Загадочны её октябрьские дни...
Но время как летит — оно совсем жестоко!
Ведь лучшие дни молодости остались позади...

Сейчас бы в конку — и на «Красные Ворота»,
Отправиться гулять, как будто век назад!
Когда наступит в жизни сладкая суббота,
И мы забудемся средь оживлённых автострад?

И «Чистый понедельник» мы прочтём неспешно,
Внимая слову каждому, что бросили нарочно...
И после разговора уединимся вместе мы беспечно
Возле Пречистенки, где даже в октябре цветочно.

Уверен, даже сны так просто не приходят,
Богатые и красочные, как дикий мир!
Дни счастья нашего быстрее всех уходят...
Не успеваем будто закатить и пир.

Печорин, друг мой, отчего? Ты?
Присниться решил мне сам не свой.
Не говори мне только, что мечты —
Это всё грёз сих милых вздор пустой...

Ах, жизнь лишь знает, есть ли дело?
Ей до меня, кто по уши влюбился...
Ужели любопытство её совсем не одолело?
Иль думает, что просто остепенился.

Ужели не виден тот огонь в глазах,
Что у меня горит, как на неё смотрю?
Пишу на белых чистовых листах —
Слова, что я прочту, коль разлюблю...

Подай мне знак, милая, чтоб сердце успокоить!
Иль улыбнись, иль раскричись в ответ...
Иначе мне один урок усвоить —
Придётся, но тогда погаснет счастья свет.

Да только бы ещё в глаза глянуть широкие,
Что от меня порой ненарочно ты отводишь.
Их, к сожалению, и потерять шансы высокие,
Но позабыть их не могу, как ты уходишь...

Прочту я строки эти спустя чету мгновений,
И мысли грустные мне в голову взбредут.
Но не забыть мне в век тех сновидений,
Где ты была, красивый, яркий изумруд...

Я вывел стих не совсем ясным почерком на клочке бумаги, который запрятал затем в одно тайное место.

Время до занятий позволяло успеть поделаться разными заданиями, которыми в приличном достатке я обладал и которые откладывать с моей стороны было бы сродни самоубийству. Принялся за дело, постоянно пытаюсь сфокусироваться на вопросах, но, как назло, мысли о ней, даже после того, как я постарался излить их наружу при помощи бумаги, всё не прекращались, хотя, бесспорно, их было меньше, чем минутами пятнадцатью ранее.

Через час-другой я оделся в свои обычные вещи, которые состояли из футболки и пары заморских джинсов, вполне привычных современному студенту, соблюдающему хотя бы какие-то нормы официально-делового стиля и этикета. Приправил весь мой прикид французскими духами — резкими и яркими.

Когда шёл на пары, снова ловил себя на той мысли, что глазами буду искать, как найду, лишь то место, где обычно сидела она, а не кого-то или что-то другое. В кабинете, светлом и необычайно душном с самого утра, было всего несколько человек, тепло поприветствовавших меня в тот момент, хотя в те секунды я думал среди всех тем, доступных для размышлений, лишь о единственной...

Началась пара: занятия вторника не были мне близки по духу, но, поскольку на них других дел никаких у меня никогда и не было, я принялся отвечать на вопросы за отсутствием остальных, желавших как-то поучаствовать в не самой оживленной дискуссии. В момент, пока я отвечал на один из вопросов преподавателя, начал приводить пример из книги Замятина «Мы» — совсем другой книги, совершенно не похожей многими чертами на произведения, которые я привык читать из русской классики. Впрочем, «Мы» и не претендует на статус классического литературного произведения, поднимая, скорее, именно острые социально-политические, экономические проблемы бунтарства души, холодно и рационально, в духе тематики произведения, относясь к теме любви и связанных с ней отношений, лишь нарочно демонстрируя, что любовь в данном случае была связана сугубо с отсутствием полных и всяческих романтических чувств и была полностью продиктована сугубо, скажем так, удовлетворением биологических потребностей человека, донельзя искажая определения «любви» и «влюблённости», косвенно, но чрезвычайно ярко данные нам трудами Пушкина, Лермонтова, Бунина... Так вот, это уже отдельная тема для нашего разговора, который не хотелось бы поднимать в дни и часы моей искренней душевной влюблённости, которую ну никак решительно недопустимо смешивать с различной пошлостью да безобразием, и так, у меня такое ощущение, царившими в нашем реальном, убегающем от идеалов мире.

Значит, возвращаясь к моему задушевному повествованию, говорю я про «Мы» Замятина, в то время как дверь в кабинет громко распахивается и неспешно входит она, держа тёмную сумку в руке и направляясь прямо к своему месту, которое я ещё несколько минут назад жадно искал собственными глазами.

— Привет! — сказал я вельми громко непосредственно во время своего ответа.

— Привет! — она тихо, гораздо тише, чем я, ответила мне, пока пробиралась к своему месту, и совсем-совсем слегка, будто мажорной нотой в трагической опере, улыбнулась мне, что, конечно, я заметил и что мгновенно подняло мне температуру на несколько градусов, после чего, однако, мой ответ полетел так живо и быстро, как горная река бежит летом спасать голодных жителей и животных от мучительной жажды. Минут десять я говорил, не переставая, перескакивая между темами и озвучивая всё новые и новые идеи, то и дело украдкой поглядывая на неё. Она принялась раскладывать вещи, затем глядеть в телефон, порой подслушивая, на какую тему я отвечаю, но взгляд на меня совсем не бросала. Впрочем... Это детали, однако, безусловно, важные, но детали.

В конце концов я ответил на вопросы, с уважением ко мне заданные преподавателем и оценённые им по достоинству, и, наконец, мог расслабиться, так как дале меня уже спрашивать

не было смысла, поскольку максимально возможная оценка была мною уже получена. Она на паре была весьма скромна, как и обычно, но сегодня отчего-то не стремилась и не пыталась по своему желанию отвечать на вопросы, которые произносил преподаватель в их истинном изобилии.

Так и прошла целая пара — вполне буднично, но в груди где-то всё ещё мерцало, ёкало, что прекрасно давало мне понять, что подобно скучным день я не могу никак оставить.

Буду честен: следующие пары проходили, однако, в чрезвычайно схожей манере — от нечего делать я желал отвечать на вопросы преподавателя, иначе на занятия не имело приходить особого смысла, за исключением общения да одного момента, после которого мои визиты в университет обрели более, скажем так, душевный мотив... Она не была чрезвычайно ярка и броска, в том числе и в общении со сверстниками, как я мог наблюдать в течение занятий, когда они что-то обсуждали друг с другом. Судя по отдельным словам, доносившимся до меня, беседы их были связаны с учёбой. Порой моментами она поглядывала в мою сторону, иногда и на меня тоже, но её взгляд надолго не задерживался, причиной чего служило чётко знает что, так что смею отказаться от дальнейших комментариев по данному поводу, отдавая приоритет развитию сюжета, который разворачивался передо мной в тот день.

В очередной раз взглянув на неё, когда она повернулась профилем в мою сторону, невольно подумал: «Какие всё же у неё красивые глаза! Оливковые, кажется, с примесью антрацита...». Покамест задумался, прозвучал от преподавателя вопрос про задачу, ответ на которую я прекрасно знал, так что я поднял руку и начал отвечать, к слову, весьма сбивчиво в начале, поскольку душой, точнее, сердцем я всё ещё мыслил о её очах, а разум пытался отыскать в уме ответ на вопрос, вернее, ключ к вопросу, заданному преподавательницей. Однако в итоге когнитивные процессы пересилили меня и мои чувства, и ответы на все вопросы были очень буднично и стандартизировано даны.

Дале прозвенел звонок, означавший конец на сегодня парам — а значит, ответам и мыслям о ней, — подумает наивный читатель, — но как бы не так, точнее, по первому — да, действительно, на сегодня пришёл небольшой конец, но вот по второму вопросу притязания я ещё имел, но решительно необходимо было понять, что же делать... У выходной (вернее, входной) группы я распрощался с большей частью приятелей, не заведя среди них её. «Ушла уже, что ли?» — немного расстроившись, подумал я, выйдя уже на улицу и достав свои наушники с намерением послушать хорошую музыку, идя к дому быстрым шагом. Погода была-то, к слову, очень приятной для осени: дождь сошёл на нет, оставив после себя лишь расплывчатые лужи на асфальте, в которых лежали грязные красные, жёлтые, оранжевые листья, напоминавшие старые палитры художника, где за долгое время его трудов уже успели смешаться все цвета радуги и не только.

Несмотря на то что время близилось к 17:30, на улице ещё не было темно; солнце решило напоследок, в конце дня, тоже показать свою силушку, избавившись от конкурентов в виде туч, облаков и других спутников депрессии... Или периодов очень глубоких мыслей, кто как называет, — к слову.

Так вот, иду я под минорные аккорды быстрым шагом в сторону метро, как где-то в семи метрах от меня замечаю до боли, душевной боли знакомую походку, узнаваемую мной тёмную куртку, кроссовки да и распущенные волосы каштанового цвета. Ни на секунду не сомневаясь, словно ужаленный какой-то иглой (хотя, метафорично если, то так и есть), я добавил немного темпа и, поравнявшись с ней, как и намерен, позвал её по имени и сказал: «Привет!» — чего она, однако, немного даже испугалась. Но, взглянув на меня, спокойно и ровно ответила: «Привет!», на что я, не особо в тот момент думая, куда можно развернуть разговор, с лёгкими нотами любопытства попытался спросить: «Ты домой сейчас?» — у неё, направлявшейся в сторону подземки!

Одним словом, «отличный» и «логичный вопрос», хотя это и не одним словом, но тем не менее это не отменяет практическую бесполезность его, подобного тому, как человек, заметив захлёбывающегося в воде, приветливо спросил бы: «Вы не тоните случайно?». К счастью, та история кончилась благополучной и долгой жизнью двух людей... «Чем же кончится наша, если она ещё толком не началась?» — хороший, резонный и правильный вопрос, донельзя актуальный в моём случае.

Справедливости ради тот вопрос её практически не смутил, обескуражив скорее меня, чем её.

— Да. А ты сейчас куда? — задала вопрос теперь она, ответив на мой.

— Не знаю... Вроде тоже домой собирался: вечером занятия, — честно признался я, не завидев никакого подвоха или подсказки в данном вопросе.

— Понятно... — несколько равнодушно ответила она и слегка призадумалась, хотя у меня начало складываться такое впечатление, что она собиралась уже пойти за неимением темы для разговора, что, конечно, в тот момент меня никак не могло устроить, так что я попробовал зайти очень, очень издалека...

— А как ты добираться? — спросил я у неё, и уже с этой темы начал разворачиваться монологическо-диалоговый разговор на тему города, транспорта и всего, что с этим связано; я понимал, что в этом и есть мой шанс найти с ней комфортный разговор... Отвечала она вполне охотно, совсем не украдкой поглядывая на меня, почти не отвлекаясь на мобильный, который, ладно уж, грешен тоже использовать порой чрезмерно часто.

Вблизи глаза её широкие, покрытые лёгкой вуалью из пушистых ресничек, заправду были антрацитово-попыневатыми, переходя в изумрудный, что ли, или, знаете, в малахитовый. Ногти были выкрашены аккуратным маникюром, подчёркивавшим её очень тонкие длани, на которых виднелись какие-то небольшие украшения. Беседа всё продолжалась; на душе мне было хорошо, сердце горело, а какое-то внутреннее предчувствие, будто я должен был ещё что-то сделать, никак не покидало меня, ещё более довлея надо мной и не отпуская. Пару раз, пока мы общались, проходили несколько человек из нашей группы и, попрощавшись с нами, исчезали где-то в подземке. Тем временем волей-неволей, время-то шло, становилось всё ближе к шести: солнце перестало греть, и небо стало каким-то необыкновенно для октября малиново-жёлтым — с насыщенными оттенками розового золота на вырисовывавшихся узорах собственной синевы.

Разговор уже пошёл про Москву: про её улицы и красоты, хотя уже из-за заката становилось заметно ветренее и холоднее. Когда была в диалоге небольшая заминка, вызванная телефонными звонками мне, она немного засуетилась, замешкалась, достала телефон, посмотрела время.

— Ой, мне кажется, мне уже пора... — сказала она, оглянувшись в сторону вестибюля метро.

— Конечно, без проблем, — ответил я, в то время как она принялась приобнять меня на прощание и, сказав «пока», развернулась было в противоположную от меня сторону, однако дале мне решительно сложно сказать, что меня сподвигло на этот поступок, любимый мой читатель, — чувства или судьба, как бы ни была последняя ко мне ревностна и груба со мной... Но я громко окликнул её по имени, на что она в этот раз заметно удивлённо обернулась. Я сделал к ней шаг вперёд и тихо, очень-очень робко и стеснительно, камерно, взволновавшись и точно сильно-сильно покраснев, так как я отчётливо ощутил в те секунды, как у меня запылали щёки, будто их ошпарили кипятком, спросил:

— Не хочешь в пятницу погулять по центру Москвы? — слегка застеснявшись, отведя глаза в пол.

Сама же она, немного как-то засмущавшись явно не от самого ожидаемого вопроса на тот момент, слегка, едва уловимо улыбнувшись и немного прищурившись от откуда ни возмись

взявшегося в ту секунду солнца, ушедшего совсем за горизонт буквально через пару мгновений, сказала:

— Ну можно, пойдём! — и с любопытством поглядела на всего раскрасневшегося меня, в душе явно желавшего в тот момент, чтобы она сказала «да». Я мысленно, говорю честно, не ожидал встретиться с положительным ответом, но, услышав благоволяющую фразу, весьма удивился да настолько, что, громко, непроизвольно и очень удивлённо, но с отчётливой радостью в голосе сказал:

— Правда?!

Она немного засмеялась, улыбнулась и сказала:

— Да! — и обняла ещё раз меня на прощание.

— До завтра, — сказал я, застыв в ступоре как какой-то египетский сфинкс из Гизы, слегка улыбаясь и всё ещё разгорячённый, как будто после парной, где сидел так долго, что забыл, как холодна на самом деле к нам реальность.

Тем временем на Ленинградке, где было тёмно-сине-голубое небо с жёлтыми просветами далеко-далеко на западе, в стороне Тушино, уже включили яркое освещение. Огоньки пронесшихся мимо меня машин помогали идентифицировать их, но тогда мне было как-то совсем не до них, хотя города, благоустройство их я правда люблю, как понял это про себя в последнее время. Простояв ещё минуток этак пять в небольшом шоке — не столько даже от ответа, положительный характер которого стал для меня истинным изумлением, а от предложения своего, которое в голове вроде и крутилось, но было неожиданно-негаданно сказано мной, — наконец я оклемался, всё-таки достал свои наушники и в совершенно другом расположении духа отправился домой по вечерним московским тихим и спокойным улицам, где ещё не успела наступить суeta из-за спешивших с работы уставших людей с портфелями и на автомобилях.

В районе уже горели рыжие фонари, однако, поскольку небо ещё было далеко от своего тёмного ночного окраса, видимость была максимальная. Шёл я вельми оптимистичным, что для меня было неестественным состоянием по жизни, так как повседневно я в душе никогда и не являлся позитивным человеком, всегда думая скорее о минорном настоящем и будущем, чем о светлом и радостном.

«Как быстро стемнело сегодня...» — подумал я, взглянув на постепенно темневшее небо, то и дело припоминая события двадцатиминутной давности. «Как всё-таки привольно и свободно дышится осенью! Никогда так не чувствуется мерцание природы, как осенью! Так ровно, мерно и чисто», — снова подумал я, когда уже стремительно приближался к своему подъезду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.